

СИАМАНТО

ФАКЕЛЫ АГОНИИ И НАДЕЖДЫ

Геноцид армян

ВИДЕНИЕ СМЕРТИ

(Перевод С. Ботвинника)

Резня, резня, резня...
В городах и за их пределами
Перепаханы варвары кровью
Умирающих и погибших,
И над ними вороны стаи, -
С пьяным карканьем, кровь на клювах...
Сухой умирающих яростно душит,
Караван стариков и старух молчаливо
Вдаль уходит, минуя большие дороги...
Волны крови из ночи встают, вырастают,
И сквозь них проступают деревья, фонтаны,
И стада, что охвачены ужасом, мчатся
От объятых пожарами хлебных просторов...
Я на улицах вижу убитые семьи,
Вижу толпы бегущих от массовых казней.
И тропический жар поднимается злобно
От повергнутых в пламя больших городов...
И под снегом, что лег тяжело, словно мрамор,
Одиночество стынет развалин и трупов;
О, внимайте ж тележному страшному скрипу -
Ведь телеги до верха полны мертвецами -
И молитвам людей безутешных, скорбящих,
Что по тропкам стекаются к общим могилам;
О, внимайте последним словам умирающие -
Их уносят ветра, что ломают деревья...
Приближаться не надо, не надо, не надо
И к могилам несчастных, и к берегу моря:
Корабли различаю я в водах багровых,
Мертвецами заполнены палубы, трюмы;
Вижу: корчатся волны морские от боли,
Череп различаю и белые кости...

Слушайте, слушайте, слушайте
Голос бури на водных просторах...
Резня, резня, резня...
Слушайте, слушайте, слушайте
Вой зловещий собак безумевших -
Он с долин долетает и с кладбищ. Люди!
Окна закройте, закройте глаза, Резня, резня, резня...

1898

ВЕЧЕР ПОКОЯ

(Перевод С. Ботвинника)

Княгини русые порфиновых дворцов,
Нарядные, в своих накидках длинных,
Апрельским полднем,
Неся цветы в серебряных корзинках,

Пришли к несчастным беднякам деревни.
И около больных, у их постелей,
Глаз не смыкал я ночью бесконечной;
И всех слепцов, бродивших лесом в страхе,
В тот вечер
Вел я к мраморному храму.
Вот каторжник идет безлюдным садом,
Идет, гремит цепями под луною,
Мечтая сладко о прозрачных водах,
О зелени некошенных лугов,
О матери, которая готовит цветы к его приходу и светильник...
Гробы на берегу какой-то речки
Прибиты вечным молотом Безумия.
Мне кажется: все сестры милосердия
Шьют саваны
Дождливым долгим вечером
Под тем шатром, где раненные спят,
Теснятся, как печальные ягнята,
Которых вот сейчас пошлют на бойню,
Их стон похож на стон прекрасных, светлоликих,
безвинно истязаемых детей...
Готовятся друзья мои украсить
Мою могилу ядовитыми цветами...
Однажды, в бурю, жал врагу я руку
и целовал чахоточную деву...
...Но я гашу лампаду,
И на окнах
Все ставни я поспешно закрываю -
От карканья ворон
В глубокой тьме.
Давай с тобою поплывем рекой кровавой,
И до зари по ней грести мы будем
Куда глаза глядят - пока не приплывем
Туда, где ты и я найдем
Покой, - и все мы...

МОЛИТВА

(Перевод С. Ботвинника)

Покинули лебеди этим вечером отравленные озера...
И под стенами тюрем печальные сестры своих дожидаются братьев...
На полях расцвели уже лилии, и закончились войны,
И в землянках красавицы бодрствуют возле гробов,
И поют они, головы низко склоняя: "О, спешите, больные тела наши окоченели в
безжалостной темени,
Приходите в часовню, где жизнь будет к нам милосердней,
К той часовне кладбищенской, где погибшие братья покоятся..."
Сирий лебедь в душе моей мечется, горько страдая,
И на вновь погребенных из глаз моих
Дождь упадает кровавый.
По дорогам Души моей толпы калек волочатся,
И слепцы босоногие с ними - в блаженной надежде
Вдруг услышать в сочувственном сердце такую ж молитву...
Воют красные псы среди пустыни всю ночь, до рассвета -
После лая в песках
От неведомой боли, что нам недоступна...
Вот и дум моих буря с дождем прекратилась;

Под холодными льдами безжалостно скованы волны;
На огромных дубах листья, раненым птицам подобны,
Осыпаются - и умирающих слышатся стоны...
Бесконечно пустеет кромешная ночь,
И с восходом луны - одинокой, кровавой, -
Будто тысячи мраморных статуй недвижимых,
Мертвецы всей земли нашей встали - творить друг за друга молитву...

1903

МОЯ ДУША

(Перевод С. Ботвинника)

Души моей факелы, думы мои озаряя,
То засверкают, то вновь погружаются в темень...
Эта душа боль любого из вас испытала стократно;
В бездне она на коленях стояла - на собственном пепле,
Плача над судьбами ссыльных сестер, что закованы в цепи.
Эта душа - словно поле под светом луны кровожадной,
Где и не счесть всех зарезанных, всех неповинных...
Эта душа - как страна, где мечами неправыми гонят
Сирых, измученных мальчиков черноволосых,
С горестным криком бегущих по злым пепелищам...
Эта душа - небосвод, что роняет пригоршнями звезды надежды,
Мраморный храм, где поставлена жизнь на колени
И лишь о смерти мечтает она милосердной.
Эта душа - как Евангелие, на котором слабые руки лежат обреченно,
Ждут отпущенья грехов, восковые страницы напрасно листая...
Кровью порою сочатся в душе моей зори,
Хор умоляющих стонов смогу ль передать я словами?
Есть в ней страна всех мечами зарубленных, ждущих
Помощи вашей и голоса вашего, Люди!
В ней - и рожденье героев, и шествие павших безвинно;
Ныне душа моя - дождь над телами убитых,
Взгляд, что в гробы проникает ко всем позабытым, безродным.
Эта душа - ураган возмущенья и гнева,
Перед которым кровавые полчища пьются в страхе,
Яростно кладбища вывернуть недра готовы -
Чтобы весь ужас пред вашими вырос глазами;
Чтоб, равнодушные, вы наконец увидали
Гордых страдальцев, что, жизни для вас не жалея,
Самоотверженно и добровольно погибли...
Смертоподобная осень - душа моя - стелет туманы
И листопад свой, который агонией дышит.
Но ведь она же - и Красный Отчаянный дух, ради светлой Надежды готовый
Словно апостол погибнуть, грядущие видя плоды...

1904

ПОХОРОНЫ

(Перевод В. Топорова)

В лес я вернулся, скиталец, надежду и кров потеряв,
Чтобы облобызать умершего друга.
Лебеди были со мной и олени были со мной, -
Внятно им горе дерев и озер - и души моей горе, -

В зимнюю полночь в лесу схоронили его.
Тело его было тяжко плечам моим, столь изнуренным под бременем жизни,
Смерть его представала загадкой моим изумленным глазам,
Лебеди пели божественно чисто на тризне,
Я вместе с ланями выкопал яму в земле...
Все деревья, взявшись за руки, в путь этот скорбный его провожали,
Паникадиллом железным - чужим для древес - Смерть махала в озябшем лесу,
Все города, где стоят с колокольнями храмы, наш плач подхватили;
Долог был звон и зловещ, хоть и благочестив.
В ночь опустевшую и овдовевшую, в солнце презревшую ночь говорили:
Друг - вместе с ланями и с лебедями озер -
Друга хоронит под сенью деревьев,
С причитаньями ветра ночного.
Знайте, что все города, где стояли высокие колокольни,
Ныне разрушены вражьей рукой, тяжким часом,
Лани все пали, все белые лебеди пали, в угарном чаду задохнувшись.
Колокола замолчали и слава бывшая померкла,
Только душа, душа друга, душа безутешного друга
Не очерствела в кругу похорон и смертей,
Узницей в ужасе зимнего леса стеная...

МИЛОСЕРДИЕ

(Перевод В. Топорова)

Боже, злодеев и ужас карающей стали отринь
От изголовья больных и покинутых...
Бешеным водам вели укротить их напор,
Чтоб обреченные в утлых лодчонках изгнания
Гибли, хуля тебя, но не чрезмерной хулой...
Ведомо мне: несть числа обездоленным кровам,
Где благородные семьи, молитвой взывая к тебе,
Ждут золотой, им обещанной Ветхим Заветом пшеницы
И твоего милосердия непреходящего ждут.
Нивы в огне - то содеяли духи геенны...
Кровь льется долу с вершины твоей, Арарат.
Адским серпом янычар озаряется мирное небо
Жизни безвинных погаснут при свете таком...
Ангелы ль это твои, в занебесье эдема,
Сеют рассеянно, взяв из амбаров твоих,
Сеют на земли, благие под солнцем и ливнем,
Сеют на наши главы семена погубленья, -
О, как.безжалостно, где же твое милосердье, -
Сеют ту смерть, что над нами наавтра взойдет.

109

ЛИШЬ КРОВЬ КРУГОМ

(Перевод В. Топорова)

В пепел забвенья зарыл я тебя, любовь.
Себялюбивое, своекорыстное чувство,
Нет, я не сплел в честь тебя ни лавра, ни лиры,
Нет, ни единой я песни во славу тебе не спел.
Пел не о вас я, небесная синь и сияние солнца,
Хоть безмятежна она и всемогуще оно,
Не о тебе, о Восток, страна мудрецов и бессмертья,

Кладезь легенд, корень святости, ризница наслаждений...
И не о вас, грады Запада, с зодчеством вашим искусным,
Не о языческих чашах, не о титанической мощи морей,
Не о тебе, о Рассвет, как бы ни был ты чист и прозрачен,
Не о тебе, о Закат, горечь сумерек, страны пустынь - не о вас!
Ночью, во сне, мне явился давнишний поэт и сказал: -
Боль твоя ведома мне, я и сам страждал в вашей юдоли,
Но не страданье я пел, а любовь; о любви, для любви по
Я рассыпал лепестки из садов моей лиры. Ах, те увяли цветы, Осень настала моя - а
потом отошла и она.
Пел я вино в золотистом прозрачном бокале,
Пел о тоске соловья - и звучало под стать соловью, - Пел - и курил фимиам под ногами
божеств, каким кланялось Время,
Пел - и, желая страданье избыть, посыпал себе пеплом волосы.
Пел о красе человеческой плоти - из мрака во мрак уходящей, -
Милому праху земному, глазам и губам, я свое поклонение пел.
Пел о слезах, неизбежно венчающих влагой дождей наше краткое лето
И, наконец, я ушел, вам оставив лишь Лениность впридачу к Тщеславию в дар...
- Истинно ль так, о Поэт, - я ответил, - ведь дни наступили другие:
Дни исполинской борьбы и мучений, не виданных миром нигде, никогда.
Тысячи трупов - и тысячи сабель - и слабость, постыдная слабость, как цепи твои мне
разрушить?
Кровь лишь кругом, только кровь перед взором, лишь кровь кругом.

МОИ СЛЕЗЫ

(Перевод В. Топорова)

1

В долах Отчизны я с грезой моей чистокрылой блуждал, одинок.
Легкой была моя поступь, как бег беложавый молодого оленя.
Радости полон я был, днем земли и лазурью небес опьянен.
Золотом веры сияли глаза, бег в душе был, неистовость бега...

2

Лето, как некогда, щедрое тяжесть плодов уготовило глубины корзин,
Каждое дерево в нашем саду своей милостью нас одарило.
Ива - бесплодна ли?.. Я из прекрасных ветвей
Срезал одну для свирели, для песни своей потаенной...

3

Пел я... Ручей, что алмаза светлей, нисбегающий с гор,
Птицы Отчизны, родник, исцеляющий жажду,
Утренний ветер, безмерно похожий на кроткую ласку
сестры, - Все они вторили пению ивовой ветки, свирели...

4

Этой ночью, во сне, я коснулся тебя, как возлюбленной плоти, свирель.
Губы мои поцелуем любви незабытой тебя угадали.
Память проснулась - и силы не стало блаженство напева продлить, -
И вместо песни слеза за слезой по свирели моей побежали.

С ПЕСНЕЙ ХОЧУ УМЕРЕТЬ

(Перевод В. Топорова)

1

Сладость надежд моих, сладость мечтаний, - я с ней одинок был в тот вечер.
Судьбы Отчизны я взвешивал - чаша Страдания и чаша Спасенья, - о, эти весы!..
С черного хода, сквозь ужас ночной, постучали - и дом содрогнулся.
Друг, улыбаясь, вошел; был прекрасен армянской красою, но грозен и пасмурен ликом.

2

Молод он был. И, как звезды небесные, сыпали искрой глаза.
Был он изваян из мрамора, белым туманом решимости восстановить справедливость
объятый,
А на челе цветы боли и блага цвели...

3

Рядом воссели мы, речь заведя все о том же - о скорби Отчизны.
И голова от мучительных дум стала черно-кровою, как сердце сраженного в битве
героя...
Взгляд его, мглой запечатанный, ту же печать надломил на моем;
Наша печаль, меж двух душ восстающая, сияла немеркнущим светом.

4

Так он молчал. Так молчал я. Так длилось часами. Одни воспоминания наши глаза
увлажняли...
Лампа курилась не синим, но сине-кровою огнем;
Негодование, ты - сон, ты, чуть утро придет, исчезаешь...
Вдруг он восстал, гордо голову вскинул, схватил меня за руку, поднял рывком и
сказал:

5

"Это был вечер прощанья, прощанья и веры. Конь мой оседлан; горячий, он рвется в
сражение, он ржет у ворот в нетерпенье...
Меч обнаженный на чреслах моих призван узел судьбы острием воздаянья рассечь.
Дай поцелую тебя на прощанье!.. То вечер прощанья, прощанья и веры!

6

В битву иду я, а ты напиши по весне о страданиях наших, сражениях наших и памяти
нашей стихи
В дар поколениям грядущим и нашей давнишней печали.
Я, сирота, отомщу за отца, ты останешься здесь, я погибших своих разыщу...
Песен в дорогу мне дай, ибо с песней хочу умереть".

ВО ИМЯ НАДЕЖДЫ

(Перевод В. Топорова)

1

Когда ты придешь и откуда, когда озаришь нас, Надежда,
Светом своим? О, когда? Чтоб и я протянул изнуренные дрожью тоски и томленья
персты
К зорям твоим? К их багряным шафранам? С молением о жизни,
Чтобы лучам их подставить, как влаге животворящей,- глаза, впервые свободные?

2

В мир наших душ из каких океанских глубин будешь лить неземное волненье?
Сколько морщин ты разгладить на чахлых и горестных наших щеках?
Сколько улыбок подаришь - и ангельски-чистых улыбок, -
Сколько ты вздохов угасишь и сколько стонаний уймешь...

3

Станет наш край пепелищ цветником, райским кушам подобным, в цветении
неуязвимым,
Слезы кристальных ключей, слившись с плачем пастушьим, напевом тогда обернутся;
Вместо дождей небо звездное землю оденет потоком эфирного света;
Агнцы родятся на пастбищах возле прохладных ручьев...

4

Самая нежная дева свой ладан чистейший, цветенье свое пред тобою рассыплет...
Лжи и насилья кумирню разрушим и храмы Тебе возведем.
В вечном сиротстве мы жили и в трауре вечном по нашему счастью;
Ныне - наденем зеленое, враг будет в черном, скелеты в лесу вопиять перестанут.

5

Листьями лета, сплетя их в венки, я чело мое, скорби презревшее ныне, одену,
Радужный ветер рубаху мою, как орлиные крылья, взметнет...
Лиру свою расписную сжимая иль светлое тело свирели к губам прижимая,
Нектар богов буду пить, золотое вино буду пить...

6

Алые факелы счастья зажгу я затем, как язычник,
В буре лесов я открою гармонию думы о наших давнишних слезах.
Ночи, кровавые или позорные, мы о колена тогда поломаем и в прошлое кинем,
Медные трубы Армянского Воинства лопнут от звуков геройского марша Победы.

НОЧЬ

(Перевод Р. Ангаладяна)

Опустошения ночь...

От дальней колокольни слышится звон смерти.

Он сводит с ума.

За дверями леденящий ужас бойни.

В глубоких и грязных ямах, на грудях пепла,

Вдовы коленопреклоненные молятся...

За этими стенами - застенок.

Здесь прославляется лживое молчание...

И падают вниз тени пещер, как пьяные, бесноватые

Толпы преступников...

Свет в окнах, словно страдание опустошенных глаз,

И кажется, что звезды тонут в кроваво-алом мраке.

О, необходимо сострадать одиноким этим душам, - они боятся,

Подобно цветам, увидавшим глубины вод.

Больше всех сострадайте больным,

Парализованным, обезумевшим, -

Пусть они покинут эти места.

Смотрите, все стойкие, живучие, оторванные от земли,

Несут в себе необъяснимый ужас;

А все новорожденные мечтают о призрачно далеких матерях...

О все эти сиротские души, что смотрят друг другу в глаза

Взглядами лунатиков, безумцев и нищих,

Нигде не могут найти опору, убежище, дом.

Они похожи на обреченных, - в каждом взгляде

Читаем лишь смерть.

Ночь безумия, опустошения ночь...

Страшный сон приснился крестьянам, -

В длинных платьях паломников, по берегу реки,

По страшной стране мертвецов,
Идут босые.
В руках серебряные кадилницы,
Идут очень набожно,
Свой многотрудный путь держат они
В спасительный Монастырь. В галлюцинациях,
От вечного страха дрожа, вся деревня,
Словно во сне, крестясь, убегает,
Подобно стаду слепых и белых овец.
Ночью они должны перейти эту реку. Они спешат...

Опустошения ночь, кровавая...
Смотрите!
С мрачных берегов Евфрата
Людоеды с глазами гиен спешат,
Над снами, над вспять бурлящей рекой,
Заполонив собою все окрест, в село спешат...
О, этот скрежет кости и сабли,
Зов растерзанных тел, в агонии корчащихся,
Глухо отзывающихся
Под грозными сводами гор!
И от их пристальных глаз,
И от скрежета их зубов, словно грызущих мрамор,
И от воя шайки воришек, бреду подобных,
Все они
Лишь смерть и кровь воспевают...
Их слова, подобно вскрытым ранам,
Плотно легли на камни, покрыли все окрест...

Ночь варварская, кровоточащая...
О, немедленно падайте ниц, молитесь, вы,
Сердечные братья, осужденных к смерти.

Барс приходит так, что все село просыпается в ужасе...
А после все тела сплетаются между собой,
И сплетаются взгляды и взывают о помощи...
И все руки простерты к небу, милости просят...
И каждый возвещает печальную весть: "Господи!
Господи! Господи!"

Невозвратная ночь, опустошения час...
Торжественное представление воронов над селом...
И вместе с воронами белые призраки орлов...
И все кварталы похожи на угольные шахты,
И воздух дышит кровью и пеплом резни...
Трупы, трупы с отрезанными головами,
И мятущиеся безголосые взоры демонов
Вдоль черных стен...
О, слушайте,
Слушайте всхлипывания агонии этих несчастных...
Как бесконечно они похожи на изуродованных лебедей,
И как страшно им, что они полутрупы, и как страшно, что друг друга они узнают.
А те, кто желает спасти родных,
В монастырях обезглавлены...
Палачи затопили все пороги кровью и пустили ее
На беспомощные души этой осени тихой,
И вот все прозрачные водоемы садов,
Где сейчас

Под знаком взывающей крови, -
Богоматерь, Раздумья, все необъяснимые Любви
Незримо должны появиться...
На кладбищах, сквозь рассвет,
Стародавние призраки нестройно запели:
"Мир тем, кто не имеет могилы,
И мир тем, кто мучается в предсмертный свой час..."

1899
Париж

А СТРУНЫ ЛИРЫ МОЕЙ ВСЕ ВЛАЖНЫ

(Перевод В. Топорова)

- 1
Уст моих не избегайте, прильните к устам поэта,
Изнеможенный отрок, несчастная отроковица,
Ваше чело сирой розой во пламени горя цветет;
Дальнего брата уста воспримите - лобзание истинным будет.
- 2
Годы во мраке идут, ваша смертная мука моею кровавою стала,
И во вселенной терзаний моих ваши слезы упали дождем в сердце мне.
Ваши рыдания ветрами смерти врывались - и ставни мне в доме срывали;
Кости отцов ваших в страшном лесу - я стenal там, стenal...
- 3
Кровь ваша, варваром вырвана из средостения плоти армянской,
Видится мне как купель, где купают скелеты;
Жизнь напролет я крещение страшное здесь принимаю,
Лиру мою, и перо, и свирель, - но и меч мой все в той же воде полоща.
- 4
Истины ищет душа, сострада сей праведной боли, но в книгах кровавых завяла...
Столько годов, столько солнц - струны лиры моей всё влажны...
Сжальтесь над братом, простите перстам его, - пусть грянут песни,
Пусть мои слезы падут, пусть труба созывает героев,
Ведь справедливость Возмездия так далека, небо Истины, чуть в него глянешь, -
бездонно...

ВО ИМЯ ИДЕИ

(Перевод В. Топорова)

В дар тебе - пламя светила дневного,
В дар тебе - кровь наших весен;
Груды костей мы сожгли - дым, как ладан, плывет;
Слезы и гнев, скорбь, но также надежда - морями
Ноги твои омывают, Идея...
Ты исполинская, Ты богатырская, буреподобная Ты,
Крыльями ветра тебя наделила природа,
Чтобы к победе летела ты -
К той, что сулит
Мрамор бессмертия...
Стоит тебе оседлать скакуна своего,
Стоит промчаться навстречу единственной цели -

Дум своих Истине, битве за них, -
Как встают из могил
Мертвые наши, мучительство смерти отринув,
Дабы еще раз геройскую смерть претерпеть,
И говорят тебе:
- Правь нами снова, Идея.
Ты победила - и это воистину так,
Но поражение в наше жестокое время
Для армянина - закон,
Горе ждет его и поражение,
Ибо само Мирозданье устроено так...
Мы, мертвецы, тебя вновь закликаем:
Идея, восстань на вершине
Гор наших самых высоких, на Арарате восстань,
Молотом воли лес молний из тверди его высекая, -
Как наковальня да станет вершина его, -
Чтобы мечи золотые сковать, -
Наделить ими рвущихся в битву, -
В битву во имя тебя,
Не жалея ни пыла, ни жизни самой...
Выслушай нас, ибо смерть мы под стягом Идеи прияли,
Пролили кровь за тебя, - И на лезвиях чудо-мечей
Высеки алый девиз твоей вечной решимости:
В дни Справедливости станьте,
Чудо-клинки, напоенные вражеской кровью и нашим несчастьем,
Лесом сливовых веток!
Но прежде, но прежде, но прежде
Молнией будьте, разящей всегда и везде
Всех, кто еще раз на племя Армян покусится!..

ВИДЕНИЯ СТРАДАЮЩИХ ПРИЗРАКОВ

(Перевод Р. Ангаладяна)

Призраки во сне сказали мне:
- Ты, отрок, черным шелковым покрывалом,
Словно в саван, закутайся...
А из досок кровати
Сколоти себе гроб...
Ибо в эту ночь в последний раз блеснет разящий ятаган...
Последний меч против тех ятаганов, - последний невинный падет...
Тем покрывалом, повторяю тебе,
Словно в саван закутайся, поэт.
А мне на стол, что из черного дерева, -
На черный стол кто-то поставил
Огромный кубок, полный ужасов...

- Скажи мне, - я крикнул, - ты, хрусталь гнева.
Ты, что равен своей чистотой глазам демоне",
И глубок, словно моя боль...
Скажи ты, златокованный кубок,
Ты, что создан солнцем и звездами.
Скажи ты мне, неумолчный кабак,
Ты - плоти и мысли порочный круг...
Скажи ты мне, кубок ужаса,
Обожженный из праха предков моих...
- Скажите вы мне, из чего вы сделаны, -
Из золота, хрусталя или из горсти нашей земли.

Скажите мне, что это за пенистая жидкость,
Клокочущая, словно закат, в темноте кромешной,
В этом кубке странном,
Что на столе моем.

- Скажите мне, - я крикнул, - Ты - Ангел, Ты -
Призрак, Ты - Химера,
Почему черпаете кубком сиротство мое, - вы -
Ночные бессонные Призраки.
Скажите, кто вы? Никогда не просыпайте
На черное покрывало моей кровати
Эту тяжелую землю кладбищ. Не сыпьте...
Больше не просыпайте эту желтую дьявольскую землю кладбищ...
Ах, аромат этой земли
Я в тоске своей узнаю. Не просыпайте... Кто вы?

В ночи темные крылья расправил страшный призрак,
Словно эту самую ночь он на крыльях принес.
И сказал он мне:
- Черное покрывало, словно саван, на твоих плечах.
Ты, что далек от суеты, ты - болезненный, ты - Лиры раб,
Возьми в руки этот кубок ужаса. Мир - миром, справедливость - справедливостью, но
ты
Неустанно и мрачно иди вперед;
Стучись в каждую дверь, и мучай сердца
Лирой своей...

- Вот вам от Рода моего последний кубок с кровью...
Выпейте это до дна,
Если вас еще мучает жажда...

1911

ПЕСНЯ РЫЦАРЯ

(Перевод С. Ботвинника)

1

Солнце всходит, мой конь, наступил отправления час;
Ты постой, вот сейчас я в лучистое стремя вступлю;
В твоих мудрых глазах - отражение Цели моей,
Как ликует душа! Осени тебя счастье, скакун!

2

Еще легок, и гибок, и строен мой стан молодой,
И отважным орлом я сегодня взлетаю в седло...
А ячмень золотой - для тебя я его не жалел -
Полнит силой шальное упругое тело твое.

3

Только рысью ты должен стремиться вперед, мой скакун,
Из-под медных подков будут искры вставать, как цветы,
Пусть нас бег опьяняет, пусть в сердце геройство живет,
Будем ветер мы пить, быть как ветер крылатыми нам!

4

Полетишь - и преграды расступятся перед тобой,

Под копытом твоим будут грешные стыть города,
И вороны, чернея, испуганы скачкой твоей,
В облаках, в облаках будут места искать для себя.

5

Бросим грустную землю, помчимся меж звезд, высоко;
Нипочем тебе пропасти, груды камней нипочем,
Нет преград, нет препятствий, что могут тебя задержать,
В нетерпенье готов ты далеких достигнуть вершин...

6

Быстроногий мой конь, беломраморный гордый кумир,
Ты же знаешь, что я всей душой обожаю тебя,
Огневая идея мое озаряет чело,
Так неси меня к цели-я раб твоих звонких шагов!

7

Раб шагов твоих я, о дитя несмолкающих бурь;
Быстрокрылый и мстительный, должен ты мчаться вперед,
Гневно я ненавижу тоску передышек пустых;
Нам - вершины, тебе - долгожданный победный венец...

8

Конь мой беломолочный, кипит твоей жизни огонь,
Водопадом сверкающим твой низвергается хвост,
Две зажженных звезды-два блестящие глаза твои,
А подков твоих грохот до ужаса страшен врагу!

9

Ты же знаешь - я раб твой, что жаждой свободы томим,
Так от этой границы на юг меня мчи, как мечта.
Арагат с его славой оставь позади, Арагац, -
Мы оденемся, конь мой, и в солнце и в кровь, ты скачи!

10

Я хлыста не держу, и всегда ты свободен, скакун,
Словно белую лилию, грудь я ласкаю твою,
Я несу тебе нежность в ладонях, я сладость ее
По сияющей шерсти твоей разливаю, как мед.

11

Нет узды на тебе, не мешают тебе удила;
Прядь довольно из гривы всего-то одну ухватить;
Для чего стремяна, что напрасно стесняют коня?
На тебе лишь седло - как блестит в жемчугах серебро!

12

Я тоскую, тоскую по милым долинам своим,
Но под светом созвездий, скакун мой, не сдерживай шаг,
По пещерам, ущельям ты тенью мелькай на ходу -
Между темных лесов, виноградных давлен, садов...

13

И кто знает, у рощи, быть может, красавица мне
Поднесет виноград и вина золотого глоток,
И поймет мою душу и мне улыбнется сестра, -
Нет, мечтать не хочу, остановок не знай, мой скакун!

14

Ты по райским местам моей родины должен лететь:
Чтобы снова услышал я песнь соловья, соловья...
Тосковал я, скиталец, годами по запахам роз...
Ах, тоскую, тоскую... Не знай остановок, скакун!

15

Вдоль дорог наших, может, вставать и вставать мертвецам...
В белых саванах, будут тянуть они руки ко мне...
Подойдут они, может, и на ухо будут шептать
О любви, об отщенье-не знай остановок, скакун!

16

Я пугаюсь руин и беспомощных в горе людей,
Так не стой, мой скакун, у седых пепелищ городов...
Слезы, ближнего слезы безжалостно душат меня,
Боль и слезы чужие свести меня могут с ума!

17

Ты не стой возле мертвых, их столько сегодня кругом!
Прочь от кладбищ беги, от белых печальных могил -
Потому что, скажу тебе правду, мой конь, не могу
Видеть родины гибель в бесчисленных этих смертях.

18

Как прекрасна земля, на которой рожден я и рос,-
На ресницы мои набегает неволью слеза,
Но ронять я ее не хочу - так лети же, мой конь,
Торопись, быстрокрылый: моя не для слабого цель!

19

Вот Евфрат зашумел! Что так грозно грохочешь, Евфрат?
Я, дитя твое, здесь, почему ж твои воды темны?
Иль забыл ты - я сын твой? Узнай же меня, не шуми,
Вместе нам рокотать, только волны свои успокой...

20

И сейчас память детства в душе моей кровоточит:
Вновь, мечтательный юноша, я у твоих берегов -
Опьянен этим солнцем, исполнен прекрасных надежд...
Но о чем это я? Ты не стой, мой стремительный конь!

21

Глянь на пышную осень, что гаснет печально вокруг;
Вот желтеющий лист на мое опустил чело:
То ль предвестье кончины, то ль веры достойный венец?
Но не все ли равно? Мчись с Евфратом наперегонки.

22

Иль ужасной судьбы опустил последний листок?
Но не все ли равно? Так не знай остановок, мой конь!
Слышишь, люди повсюду мои повторяют слова:
"Мчись свободно, Идея, в пути остановок не знай!"

23

Я люблю тебя, конь, ты и вправду несешься звездой,
Ты как молния быстр и свободен, подобно звезде...

Вместе с ветром парим мы с тобою смелее орлов,
Я - твой рыцарь и раб, ты возвысь меня, к цели приблизь...

24

С этих грозных заоблачных, с каменных этих вершин
Ты взгляни - водопады блестящие рушатся вниз;
Белопенные струи я с телом твоим бы сравнил,
С диким бегом твоим - этот бег величавой воды...

25

Что же тело твое под моею трепещет рукой?
Что случилось, скажи, отчего, богатырь, помрачнел?
Посмотри на меня и волнение свое погаси-
Лишь штурмуй горизонты, тебя умоляю, скакун!

26

До меня долетают рыдания, стоны, мольбы -
От разрушенных хижин, от черных руин городов,
Но что пользы бессильно стоять перед горем людским?
Как избегнуть его? Ты не знай остановок, мой конь!

27

Мы с тобою сквозь ужасы мчимся-без слез на глазах,
Сил, мой конь, набирайся, не знай остановок, не знай!
Буду Факел Надежды я жечь и держать высоко,
Передышка - смертельна, не знай остановок, не знай!

28

Я услышал, держась на стремительном крупе твоём,
Как подковы твои, рассыпавшие искры во мгле,
Столько раз, столько раз по людским прохрустели костям
И зияли глазницы, - ты видел, скакун, черепа?

29

Я-то слышал, как кости хрустят под копытом твоим,
Но молчал. Я безгласен. Не знай остановок, мой конь!
Я в душе своей плачу, словно в бездне глухой, схоронил,
Пусть живет только гнев, ты не знай остановок, не знай.

30

Белый мраморный варвар, лети и сомнений не знай,
Ты же ведаешь сам: горе жизни слезой не избыть...
Должен в колокол гнева без устали бить идеал,
Звать должны журавли нас, - следи за их криком, следи!

31

Но куда же ты скачешь? Иль сбился с пути, мой скакун?
Видишь, в пепле поля и сплошные руины вокруг?
Как туман, мне стесняет дыхание серая тень,
Горы ужаса перемахни побыстрее, мой конь.

32

Я глаза твои, конь мой, ладонью прикрою сейчас,
Лишь не стой - тут ведь кровь, Краснота, Краснота, Краснота...
Свой платок головной я на веки, страшась, опустил, -
Ты не стой, что за польза, ответь, безнадежно стенать?

33

Кровью лира моя истекала когда-то, скорбя,
Но отныне я плач ненавижу, мой Дух - это ты!
Ты мятежен и славен, я князь твой сегодня и раб,
Эти формы твои обожали Эллады мужи...

34

Ветра вой вдалеке мне звучит боевою трубой;
Как отряды бойцов, встали на ноги наши леса.
Пробуждает твой топот величие старых надежд...
Гибнет давний закон, давним время почить голосом...

35

Плоскогорьем широким мы будем скакать на заре -
И мятежников новых увидим, героев, бойцов,
Сыновей наших мук, кровь впитавших с веками вражды,
С этим гневом они, с этой кровью хотят умереть!

36

И когда мы увидим восставших с оружием в руках,
Мы одною дорогой должны с ними к цели пойти...
Буду петь о победе и славить отважных бойцов,
Зазвучит моя лира, мои запыхают костры!

37

О, заря расцвела, я - твой рыцарь сегодня и раб;
Твой нелегок подъем, но дыханье подобно ветрам.
Ну, усилие еще, вместе с утренним светом лети...
Остановок не знай, пусть нас жажда победы ведет!

38

Ну, последний скачок, ну, один еще шаг, я твой раб!
Видишь, сколько людей, - в них счастливейших сил торжество!
Знаменосцы свободы с мечами, несущими жизнь,
Славят дружбу и братство в лучах восходящей зари.

39

Вот теперь - остановка! Будь счастлив, божественный конь!
Идеал свой узрел я, душа тяжелеет от слез...
Лишь победа - великий, бесценный закон красоты;
Шесть веков там воистину встали, оружие подняв!

40

Снаряжаю тебя. Я с оружием, мой факел зажжен.
Мчать как буря хочу. И земля справедливости груз
Под лучами зари, обнаженная, жаждет нести...
Пусть же искры Надежды рассыплются из-под копыт!

КРОВАВЫЕ ВЕСТИ ОТ ДРУГА

Ресницы увлажняются каплями слез,
но не хочу их проливать, не останавливайся
(друг)...

ТРАУР

(Перевод Р. Ангаладяна)

Ты - печальный незнакомец, иль ты - мой душевный друг,
Шагающий по дорогам сегодняшних пиров,
Внемлите моим словам одиночества и скорби.
Я знаю, что ваши невинные стопы еще влажны от крови единокровных...
И к благородной розе свободы, что от боли вашего рода
Под небом вашим несчастным расцвела наконец-то,
Чьи-то чужие руки тянутся, желая сорвать ту розу...
Но вы позвольте людям пьянеть от аромата
Божественной розы, чтобы слезы мужества, радости омывали их лица...
Позвольте - и тогда придут и далекие, и близкие, и неблагодарные
Пред богиней Справедливости, изваянной вами, свой ладан воскурить.
Но позвольте еще, о гордые и героические сеятели свободы,
Чтобы ваш урожай золотился в привольных полях,
А косари безвестные жали вашими же серпами...
Ибо я знаю, что если и погибаете, Скорбью гонимые,
Однако рождены вы для мудрой добродетели.
По проспектам пиров, как Стдание, вы проходите грустно,
Оберегая счастливых, чтобы они не заметили в ваших глазах
Жуткую картину сражений, пепла и трупов...
Пощадите путника - справедливого или же злого,
Что не смотрит в ваши глаза, -
Ведь страдания армянской души я всегда находил лишь в армянских глазах.
И так по дорогам пиров вы проходите дружно,
Но пройдите вы строго, без единой слезинки, без смеха.
Слезы вам не нужны - величие вашей тоски они не должны осквернять, -
Ведь слезы для души побежденной - ничтожны и глупы,
Для победителя же суетная улыбка - морщины, уродующие лицо.
Ты, как всадник смерти, вуалью скрытая армянская красавица,
И ты, отрок, чьи черты скорби полны, -
Спешно минуйте эти дороги никчемные.
И спросите вы: "Откуда здесь столько света, и что это за лжепохороны,
И что за сброд вокруг, и что за пляски и ликования, и что за пиры повсюду..."
Наши кровавые иллюзии, подобны факелам побед,
А кости наших братьев в свирели превращены,
И там поют чужие и странные песни...
Но вы не ужасайтесь - незнакомая сестра моя, и брат моей судьбы,
Созерцая звезды правд, вы верьте им и стремитесь вперед,
А закон жизни пока таков - люди не смогли понять людей...
И в этот вечер в двери ваших домов, жалких иль отделанных мрамором гладким,
До наступления заката все как один вы должны войти,
Безмятежно должны запереть ставни ваших окон...
Заприте их пред лицом человечества, пред ликом вашего бога...
И знаю я, что от единственного ужасающего стенания вашей души
Погаснет свеча, горящая на вашем же столе...

10 июля 1909 г.

ТАНЕЦ

(Перевод Р. Ангаладяна)

- Сдерживая слезы из голубых своих глаз,
На поле пепла еще умирала армянская жизнь,
Так рассказывала немка, очевидица нашего горя.

- эту ужасную, невыразимую историю
Я видела своими безжалостными человеческими глазами,

Стиснув зубы от гнева и боли, из окна
Своего безопасного дома.
...Вот этими жестокими глазами...
То было в городе Партез, что обратился в руины и пепел...

Трупы... Трупы сложены были до верхушек деревьев,
А в ручьях, родниках на дорогах доносилось
Журчание вашей непокорной крови, и теперь
Зовущее к мести.

Не содрогайтесь! Я вам расскажу эту историю,
И пусть каждый поймет злодеяния человека пред человеком.
Два дня они лежали на кладбищенской дороге
Под жарким солнцем -
Человеческое зло перед человеком, -
Пусть узнают сердца всего мира...
В воскресенье то было, смертоносное утро над трупами плыло,
Я же в своей обители
С вечера и до восхода солнца
Над умирающим телом юной армянки, кинжалом сраженной,
Своими слезами смертельную рану увлажняла...
Послышались крики, и черная скотоподобная толпа,
Иступленно избивая двадцать невест,
Раздевая их, распевая вульгарные песни,
Неожиданно остановилась в саду.
Оставив полумертвую в кровати, я подошла к балкону,
И адское око окна мне открыло мерзейшую сцену...
Толпа неистовствовала, толпа вопила, она плевалась слюной.
Дикарь кричал: "Они должны плясать, должны плясать под звуки
Нашего барабана. Они должны..."
И свист плетей, и крики ликования, -
И корчатся тела невест, тоскующих о смерти, -
Лишь смерти желали они...
И двадцать девушек юных, за руки взявшись,
Нестройно начали танец, и капали слезы, как кровь
Из ран незаживших...
Ах, как я позавидовала ей, услышав спокойные звуки
Слов красивой армянки, ибо, проклиная небосвод безграничный,
Она лилию души своей горлицы к звездам отправила...
Я же тщетно толпе кулаком погрозила.

"Должны плясать, должны плясать, неверные,
Должны плясать с открытыми грудями, безропотно...
Должны плясать, улыбаясь... Должны плясать
Без усталости, до самой смерти.
Распутно, сладострастно, голые, -
Должны плясать, ибо стыд не для вас,
Ибо вы рабы, ибо наши глаза
Жаждают вашего тела и смерти...
Мы вашей смерти хотим!"
И пали наземь они, пали, чтобы больше не встать.
"Встать!" - орала толпа, толпа пребывала в экстазе,
И сабли блеснули, словно змеи, в саду.
Принесли кувшин керосина, - чернь ликовала... Облили всех...
О, человеческая справедливость, дай мне плюнуть в твое лицо!
"Должны плясать! - гремела обезумевшая толпа. - Вот вам
Благовоения, каких даже в Аравии нет..."
И факелами подожгли невест истерзанные тела,
И корчились они, и смерть предстала перед ними...

Я в ужасе захлопнула ставни, и к телу мертвой подойдя,
Спросила печально: "Скажи ты мне, как выколоть мои жестокие глаза?.."

.....

ОТПУЩЕНИЕ ГРЕХА

(Перевод Р. Ангаладяна)

В бедственное утро этот богобоязненный старик,
Склонясь над бассейном своего пышнозеленого сада,
В его родниково-хрустальных водах узрел
Один из неотпущенных грехов своего прошлого...

И, закрыв веки, он в столах ясно увидел
Тот проклятый день, когда из-за любви к юной, словно весна,
Несказанно красивой армянке
В тот проклятый день он молитвы свои Аллаху своему не вознес.

И предатель бассейн, вместе с прошлым, с кровавыми днями,
Пред сухими глазами старика предстал отчетливо
В совершенных формах той юной и бледнолицей девушки,
Чьей мраморной наготой обманутый, плененный,
Он молитвы свои не направил Аллаху.
И, наконец, надо было единственный грех прошлых дней отпустить,
Ибо уже ночует в теле его бред подземной жизни,
И вырыта яма смерти, глубокая, как преступление...
Надо спасти свою грязную душу - близится возмездия час.
И старик твердым, сметающим память шагом
Поднялся в свои покои, и отдал приказ...

В роскошном зале расторопнее слуги суетливо забегали,
И на шелкотканый ковер (на ковре нарисованные соловьи пред розой душистой свою
оплакивали любовь)
Подали кресло из черного перламутра.
Старик, одетый в благоухающий лилиями кафтан,
Молясь, степенно к креслу подошел.
Большая семья, включая новорожденных внуков,
На коленях на цветастом ковре
Ради этого ритуального праздника устроилась вокруг него...

Чуть погода два эфиопа - два белокурых парня из города Тарсон,
В чулане дворца, где должно было родиться новое зверство,
Обнажили отрока армянского и вынули сабли из роскошных ножен...
И от ужасающих конвульсий отрока
Содрогнулся даже дворец.
Сверху спустилась с красивым, как статуя, телом женщина,
В вуали черной, и к старцу подойдя, почтительно склонив лицо,
Она сказала:
- Выполнен ваш приказ, я не стою и пыли ваших ног...
Чьи руки смогли бы искупить чашу, налитую вином золотым?
- Несомненно, последний плод той преступной армянки,
Из-за которого я потерял вечность неба...

Один из внуков держал в руках на серебряном блюде златокованую чашу...
Со счастливым лицом он приблизил к губам своего деда
Ту чашу, и не содрогнулся старик в черном, как смерть, кресле,
Лишь жадно сжимал в зубах благородный металл,
Пред раем, о котором в молитвах мечтал, с улыбкой слабоумной

Спокойно и твердо отдал неожиданно свою черную душу...
Но ни одна капля крови, братья мои, служители Справедливости,
Ни одна капля не упала на лиловый кафтан
Из его ненасытного и дряблого рта.
Ни одна капля, ни одна капля, кричу я вам!

КРЕСТ

(Перевод В. Баласяна)

Ужасен будет мой рассказ. Рука дрожит, я трепещу...
Я, повидавший столько бед и столько страхов, содрогаюсь...
Но ты прости меня, мой друг, единомышленник мой давний,
Прости, что вновь разбережу твою тоскующую душу.
Хочу я зеркалом предстать перед тобой, где кровь армян,
Многострадальная юдоль родного нашего народа,
Которого в столь тяжкий час сей мир предательски оставил
На произвол судьбы, весь ад, нас поглотивший,- отразились...
Хоть и дрожит моя рука, как ветвь, колеблемая ветром...
В ограде церкви это было,
В один из страшных дней резни - кровопролитной и жестокой...
В тот день у паперти церковной простая женщина одна,
Крича единственного сына, однако отзыва его
Не слыша, волосы из кос в отчаянии вырывала.
Людей, набившихся во двор, - здесь больше матери, и жены,
И сестры были убиенных,- ничьи не трогали стенанья:
Свое у каждой было горе, и не одна из матерей
Сидела здесь, у трупа сына, и непослушную иглой
Холщовый черный саван шила, горючих слез не вытирая.
И поселянка, чье дитя не отвечало ей, несчастной,
И в ком никто, увы, не мог принять участие живое,
Вбежала в церковь, пала на пол, простерлась ниц на холодном камне
И, впившись пальцами, ногтями в его бесчувственные плиты,
Воззвала к богу: "Боже правый, даруй мне сына или смерть...
Даруй мне сына или смерть".
Жгла свечи, ладаном курила, и то молчала, стиснув зубы,
То, возводя безумный взор на купол церкви безответный,
Просила, требовала даже: "Даруй мне сына или смерть".
Господь не внял ее мольбам, ее молитвам, и тогда
Она пошла, еще надеясь на чудо некое, к злодеям.
Пошла, поверглась к их ногам, рыдая, перецеловала
Кривые сабли их, молила отдать ей сына дорогого,
Отдать ей сына дорогого взамен очей ее и сердца...
В ограде церкви, кроме женщин, оплакивавших мертвецов
В разбитых наскоро палатках, и многочисленной толпы
Сирот и вдов, старух и старцев, немало было изуверов,
Тех, что несли разор и смерть и крови праведной алкали.
Бесчувственные палачи, они кружились, как гиены,
Среди невинных этих жертв невежества и безрассудства,
Порой со смехом вытирая свои кровавые кинжалы...
- Ты сына хочешь, мать? - спросили чужие люди, сбившись в кучу. -
На свете есть ли что-нибудь для сердца матери желанней?
Не тот ли юноша твой сын, - глазастый, рослый, - что вчера
Так беззаветно защищал свое село, тебя, всех вас?..
Сейчас он там, в притворе церкви, сидит и молится за мать
И чтоб господь хранил всех вас и ваши земли, ваши села.
Не плачь, его уж близок час... он нынче же освободится... -
И стали в круг головорезы, - им оставалось обсудить

Какой из кар подвергнуть сына, затем и мать его родную...
Поднялся шум, - угрозы, крики, трясенье ружьями, - и вдруг
Послышались зловещий хохот, подобный карканью ворон,
И громкие рукоплесканья - свидетельства того, что судьи
Произнесенным приговором вполне довольны. И тотчас же
Они поспешно подошли к едва стоявшей на ногах
Страдалице и, поклонившись, подобострастно изогнувшись,
Сказали: "Ну, сними жилет, дай нам и жди, пока вернемся...
Нет, не жилет, сними рубаху, да поскорей... неужто стыдно?
Тебе такое в этой церкви приличествует наказание...
Какой на редкость нежный шелк! Не ты ли вышла на нем
Цветочки эти?.. Вот и всё. Один момент - и мы вернемся".
И правда, варвары вернулись через минуту, но злодеи
Вернулись к матери, чтоб ей, намучившейся, показать
Ее с цветочками рубаху, омоченную свежей кровью...
- Не это ли твоя рубаха? Твоя. Хоть и другого цвета.
А этот запах - узнаешь?.. Что ты за мать! Вдохни его...
Не злись на нас, твой сын - счастливцев, - он опочил на алтаре.
Там свечи были зажжены и скатерть чистая белела...
Теперь нам нужно начертить ваш крест... Эй, вы, несите гвозди!
Где молотки?.. Пора начать, пока рубаха не просохла.

Тогда один из палачей, возликовав, вскочил на стул,
И перед матерью счастливца, при кликах скопища убийц,
Ее неслыханной рубахой, окрашенной сыновней кровью,
На темной каменной стене изобразил Виновный Крест...
И обреченные на гибель сироты, вдовы, погорельцы,
Увидев этот алый крест, оцепенели, онемели,
И всяк рукой своей дрожащей закрыл глаза, чтобы не видеть...
Но некто в черном, тыча пальцем в изображение креста,
Твердил: - Утешься, мать, молись, встань на колени и молись.
Сей крест - святыня из святынь, ибо на нем кровь Иисуса.
Встань на колени, говорю, встань на колени перед сыном.
Вот гвозди, вот и молотки... Молись, не то распнем тебя.
Скажи, упрямое создание, а в воскрешение ты веришь?
О, если нет, твое спасенье в том, чтоб и день и ночь молиться.
Молись же, глупая, молись...

ШЕЛКОВИЦА

(Перевод В. Баласяна)

Мы - два бесприютных товарища - брели каменистой дорогой,
Из нашей умершей деревни в другую деревню брели...
И встретили мы на распутье согбенную старую женщину.
Она опиралась на посох, котомка была у нее за плечами;
Смертельную муку являли глаза,
Когда, еле-еле ступая, старушка приблизилась к нам...
- С утра одиноко брожу я по этой пустынной земле.
Прошла уж неделя с той ночи, как люди из ближних селений
Сожгли и разграбили наши дома...
Сыночек мой старший в кровавом бою погиб как герой, говорили.
Наутро обмыла я тело его у ручья...
Потом, через день, кое-кто из вчерашних соседей, -
Сегодня уже не соседей, а лютых врагов, -
Пришел, слава богу, седины мои пожалел,
Глубокому горю-несчастью, должно, посочувствовал, -
Чтоб мне, потерявшей за краткое время всё, что я имела,

Помочь схоронить и последнего сына.
И я схоронила последнего сына поблизости от ручейка,
В чужом апельсинном саду...
В тот день я наплакалась, так что любимого внука
Пришлось мне оплакать без слез...
И вот уж семь дней я брожу возле этих палаток -
Приюта армян, в одночасье лишившихся крова,
И всё, как безумная, внука родного зову...
Я так умоляла проклятых оставьте ребенка со мной!
Любые готова я муки принять, лишь видела б внука живым.
Сейчас положила бы жизнь за него, лишь знала б, что он уцелеет...
Но нет, не смягчили злодеев стенанья и вопли старухи,
И отрока полуживого - дышал еще внучек, дышал -
Они зашвырнули в телегу, на трупы сраженных армян,
Чтоб вывезти в чистое поле и там, среди поля, зарыть.
Уже умирая, с меня не сводил он печальных-печальных очей.
Я вижу их всюду, на свете, ах, только и есть, что они...
Я все еще слышу тоскливые звуки телеги.
О я не забуду, с каким дребезжаньем она волоклась за село!.. -
Тут бедная женщина вдруг задохнулась, все тело ее затряслось,
Но, как-то сдержавшись от слез, подступивших ей к сердцу,
Она досказала - продолжила страшную повесть:
- Теперь я совсем одинока, одна я теперь и бездомна.
А дом, что имела, был полная чаша.
Спалили его душегубы, и вмиг погорело все наше добро,-
И даже телята, и курицы даже, и белый петух...
Заместо зерна, запасенного на зиму, - пепел в амбаре.
Стояли под кровлей два улья - сгорели, что свечи...
Ах, как по утрам веселило мне душу тепло моего очага!..
Кто скажет, зачем, ну зачем погубили все это?..
Взгляните направо, как раз перед вами, вон там -
Остатки сгоревшего нашего дома.
О, это вода моего родника бежит под разрушенной черной стеной,
Идет не цветочки мои поливать, а пепел и угли...
Ах, дай мне, прохожий, два камня, взяла б я их в руки и била б себя по головушке...
Убийцы срубили и тутовник мой, и тутовник, боже, спилили!
Его посадила я в день рождения внука.
Он рос, поднимался, недавно семь лет миновало ему,
И я уж в его шелестящих тенях
Любимому внуку порой колыбельную пела...
Убийцы срубили, спилили и тутовник, бог мой!
Спилили и тутовник - память о милом внучонке!..
А где же телега? Телега с телами убитых...
Я слышу, я знаю ее дребезжанье.
Я верю: она увезет и меня, в ней было свободное место...
Старушка, замолкнув, направилась к близким руинам.
Дошла кое-как до своей шелковицы,
Припала бессильно к ее обгорелым ветвям
И вдруг - повалилась.
Едва удержал я рыданья, меж тем как подруга моя,
Давно уж терпевшая вместе со мной
Все адские ужасы нашей дороги,
Засыпанной пеплом пожарищ и залитой кровью обильной,
Лила неутешные слезы.

ОДНА ПОБЕДА

(Перевод В. Баласяна)

Так! Настало нам время открыть городские ворота.
Поспешим, отодвинем от створов преграды.
Мы должны приютить всех скорбящих, вопящих по тем, кто погибли, всех вдов и сирот.
Чем для них не прибежище, люди, крепость наших мечей и объятий?..
Нужно снова пойти по недалним, лежащим в развалинах селам
И врачующим словом, бодрящей улыбкой,
Пожиманием рук, зажигающим в сердце надежду, собрать воедино
Беззащитных крестьян, что доселе еще безоружны,
И призвать их к борьбе за спасенье родного народа.
Нужно вооружить всех уставших от жизни незыблемой верой в нее.
Только любящий жизнь торжествует победу над смертью!..
Да услышат наш клич страстотерпцы, у коих, увы,
Нынче нет и кусочка железа, свинца или стали,
Нет и мышц, переполненных яростной мощью...
Да услышат и двинутся к нам - под надежный покров Чок-Марзвана,
Этот город богат удалцами и смертным огнем...
Отпирайте ворота. Пришли, повалили к проходам...
Это беженцы - сомнище бледных, загробных теней,
Повергающих в ужас, вызывающих жалость и негодование.
Вот идет вереница увечных, -
Тот остался без рук, тот без ног...
Вы не знаете, нет, как ползут по земле, опираясь на локти, безногие люди.
Вы не слышали, нет, как старик с переломленной челюстью криком кричит: "Помогите!"
Вот, потупясь, вбежали в ворота
Обещанные невесты.
Поглядите, вот матери, горе которых безмерно.
Это их бессловесных малюток
Иноверцы у них на коленях
Топорами рубили на части...
Проходите, входите, он где-то поблизости - враг.
И не плачьте, друзья, в эти дни здесь не место слезам.
Лучше - вооружайтесь, кто серпом, кто кремнем, кто лопатой.
Все, что режет, ломает, дробит,
Знайте, - годно для нашей борьбы за победу.
Перестаньте рыдать. Скажем впавшим в унынье - уймись,
А бесстрашным и стойким воскликнем осанну!..
Ждать, что мир посочувствует нашей беде,
Припадать перед ним на колени
И сквозь слезы вымаливать помощь,
Нет, - вы слышите? - дальше нельзя...
Столько крови, запомните, сколько пролито и льется
В эти грозные, черные дни,
Никогда не лежало на совести рода людского
Даже в пору далекого варварства...
Наше слово - закон, и сегодня мы сдержим его!
Мы призвали врага заключить перемирие,
Но и этот воистину великодушный призыв
Враг со смехом отверг...
И сегодня, поверьте,
Сотни воинов смелых,
Всей душой сострадающих вашей судьбе,
Вам, едва уцелевшим, проложат дорогу
К вожделенному счастью - победе над смертью...
Мы семь дней и ночей изнывали от жажды.
Перекрыв родники, изменив направление кристальных проток
И проворных, как молнии, рек,
Чок-Марзван супостаты лишили воды.
Лишь вчера поутру мы смогли наконец-то отбить у врага
И вернуть горожанам один многоводный источник...

И сейчас оживают, смотрите, сотни, тысячи жаждущих смертных,
Приникая устами к его чудодейственной влаге.
Не имея воды, мы сосали древесные листья,
Изъедавшие в кровь десна, нёбо, язык...
Тем не менее мы от утра до утра
Вот уж семь нескончаемых дней и ночей
Отражаем удары штурмующей город орды.
Проповедники братства людей, мы не раз предлагали
Обезумевшим этим громилам,
Чтоб они прекратили огонь, прекратили огонь.
Но в ответ и сегодня
Раздается лишь рев несогласия. Больше того -
Час назад наш отряд получил от злодеев невиданный дар -
Белым флагом покрытое, словно как саваном, тело
Умерщвленного нашего парламентаря...
Исступленно, бездумно, упорнее день ото дня
Атакуют противник, но тщетно - он вновь отступает,
И бессмысленным жертвам, ненужным потерям его
Нет конца... Воздадим, дорогие, хвалу
Нашим женщинам славным,
Все железо, всю медь, весь свинец Чок-Марзвана
Превратившим в штыки и патроны...
А теперь - на форты! К бастионам! К бойницам!..
Неприятель вот-вот перейдет в наступление.
Эти наши минуты, часы
Равносильны векам...
Их, убийц, как доносят, сейчас пятьдесят тысяч с лишним.
Не беда, все равно, мы должны победить.
Постоим же, герои, за эту надежду,
За себя, за грядущее отчего края!
Час настал. Примем бой. Открывайте огонь!
Убивайте, стреляйте безжалостно, без передышек!
Наша совесть спокойна: ведь это они
Так открыто презрели стремление армян
К единению, к согласью... К тому же они -
Не из тех, кто живет трудовой, добродетельной жизнью,
А презренная нечисть -
Мироеды, грабители... Бейте, стреляйте по ним!..
Цельтесь в голову всадника, что в диадеме,
Ибо только такие, как он,
Проповедуют рознь и вражду...
Братья, вижу, вы не промахнулись:
Вот он выронил знамя, а вот он и сам повалился -
В диадеме, забрызганной мозгом и кровью...
Враг отходит уже, но мы будем стрелять до тех пор,
Пока не победим...
Пока спящие где-то на рейде
Чужестранные крейсера
Не проснутся хотя б на минуту от огненной бури,
Вновь и вновь укоряющей их громогласно
В безучастии нам и к самой Справедливости...
Братья, стреляйте!.. Враг разбит... Откатились, бегут, спотыкаясь о трупы...
Но...но... я умираю...
Пуля в сердце впилась...
Звездноокие Братья мои, не печальтесь...
Враг повержен... Победа за нами.